

(Страгородским) тех, кто считал его церковную политику порочной, а самого его — лицемерным архипастырем, способным идти на любые компромиссы с представителями любой, даже безбожной, власти⁹.

С. Л. Фирсов

О РАДОСТЯХ МИТРОПОЛИТА СЕРГИЯ

Только что вышла в свет новая, чрезвычайно важная рукопись, под заглавием «Где правда»; в этой рукописи автор (вероятно, Ник[олай] Дм[итриевич] Кузнецов¹⁾) стремится доказать, что митрополит Нижегородский Сергей²⁾ — единственное достойное лицо для того, чтобы ему стоять во главе церковного управления и что все нападки на него вполне не справедливы.

Этот вопрос решается с канонической точки зрения и с точки зрения церковной пользы, что, дескать, уже лучше признать, чем не признавать, ибо все-таки митрополит Сергей лучше же простого места!

Прочитав эту горячую защиту церковного беззакония, автор этих строк не счёл себя в праве молчать и решил сказать фактическую правду о митроп[олите] Сергии, которую перетолковать нельзя и которая красноречивее всяких украшений доказывает великий вред для Церкви от митроп[олита] Сергия и всех его единомышленников и последователей.

Но прежде чем говорить о митроп[олите] Сергии, нужно сказать два слова об этой брошюре: «Где правда».

Прочитайте её, читатель!

Эта брошюра написана очень остроумно, — так писать может только бывший присяжный поверенный, — способный защищать всё, что ему прикажут! Так вот в этой брошюре «Где правда» — в самой основной фактической её части — полная неправда. Вся брошюра основана на 34 правиле Св[ятых] Апостол³⁾. Но самое то правило приведено в обрезанном и поэтому совершенно извращённом виде. Таково начало. — Далее в этой брошюре написано, что патриарх Тихон⁴⁾, умирая, оставил после себя Заместителем митрополита Петра⁵⁾.

Это — основная ложь, ибо всем известно, что не Пётр, а митроп[олит] Кирилл Казанский⁶⁾ был предназначен патриархом Тихоном в первые кандидаты на замещение патриаршего престола, а митроп[олит] Пётр попал на его место «по независящим обстоятельствам».

Далее читаем, что митрополит Пётр, отправляясь в ссылку, оставил после себя митроп[олита] Сергия своим заместителем. И эта третья крупная неправда! Ибо Пётр по своей природной ограниченности оставил после себя около десяти заместителей, из которых первым стоит митроп[олит] Агафангел Ярославский⁷⁾ (и самый достойнейший), и только изумительная ловкость рук позволила митроп[олиту] Сергию

⁹ В начале 1930-х гг. архиепископ Андрей в одном из своих писем заметил: «Все последователи лживого митр. Сергия — сами преисполнены лжи и лукавства и отпали от правды Христовой — отпали от Христовой Церкви. Святая соборная Апостольская Церковь — где-то в другом месте, а не около митр. Сергия и не около его “Синода”» (цит. по: Зеленогорский М. Л. Жизнь и деятельность архиепископа Андрея... С. 216).

фактически, почти захватным путём утвердиться ныне заместителем митроп[олита] Петра и добиться первенства в своём собственном Синоде и стать во главе Русской Церкви^{8*}. — Но тут необходимо вспомнить, что Константинопольский патриарх Василий^{9*} не признаёт ни за митроп[олитом] Петром, ни за митроп[олитом] Сергием никакого «главенства» и считает митр[ополита] Сергия просто Нижегородским епархиальным епископом. Так читается в грамоте самого патр[иарха] Василия.

Итак, в брошюре «Где правда» — нет самой основы для отыскания канонической правды за митр[ополитом] Сергием. — Это автор (человек неглупый), разумеется, чувствует и потому с канонической почвы быстро сходит на почву церковно-экономическую, т. е. начинает рассуждать, что митр[ополит] Сергий человек приятный во всех отношениях, что лучшего не найти и т. д., что все, кто с ним не согласен, возводят, по мнению автора, клевету, на эту «светлую личность» митроп[олита] Сергия, «известного своею верою, любовью чистотою, своею богословскою ученостью и преданностью святой Православной Церкви».

Так пишет автор этой брошюрки «Где правда», желая убедить читателя, что правда — только у митр[ополита] Сергия, а не у митроп[олита] Кирилла и не у митр[ополита] Агафангела и не у митрополита Иосифа...^{10*} Все эти митрополиты — это люди ничего не стоящие по сравнению с Сергием, светлая личность которого — вне сравнения. — Вот с этими то выводами и их обязательностью мы никак и не можем согласиться! А так как митр[ополит] Сергий сейчас занимает огромный церковный пост, то мы считаем долгом сказать о нём несколько иную правду по сравнению с той, которую говорит автор брошюры «Где правда».

Это наш долг — в исполнение слов Свящ[енного] Писания (Мф. 24,4; 1 Кор. 15, 33; Кол. 5, 21^{11*}).

* * *

Прежде всего объясним читателю, почему мы озаглавили эти строки: «О радостях митр[ополита] Сергия». — Это сделано на основании того, что о своих радостях заговорил сам митр[ополит] Сергий в ответственной своём документе, в своей пресловутой Декларации 1927 года (в июле)^{12*}. Так он говорит по адресу нашей Советской власти: «ваша радость — наша радость; ваше горе — наше горе». — Разумеется, Советская власть от этого заявления ничего не выиграла и конечно, новоявленному «товарищу митрополиту» не поверила. Но как бы то ни было митр[ополит] Сергий заговорил о своих радостях и вот эти его слова и дали нам повод написать свои воспоминания о многочисленных и многообразных радостях Сергия.

Да! Это человек при всяких обстоятельствах способный радоваться. Бывают же такие характеры, что при всяких обстоятельствах люди радуются и устраивают своё благополучие...

* * *

Мы не будим говорить о мелких радостях митр[ополита] Сергия. Мало ли какие у кого в молодости бывали искушения и ошибки! — Мы будем говорить о его крупных радостях в общецерковном масштабе. Эти радости у Сергия начались давно, с 1905 года, с сентября месяца. Это были бурные дни, когда петербургское императорство доживало

последние дни; честнейшие русские люди во главе с князем Трубецким^{13*} говорили русскому императору, что жить по немецкой указке нельзя, что Россия теряет терпение от издевательства над её здравым смыслом. В самый разгар этой борьбы за правду Сергей Трубецкой скончался. Вся честная Россия охнула от боли. Пригласили на торжественную панихиду над гробом Трубецкого самую светлую личность, известную своею верою, и любовью, и чистотою, тогдашнего ректора Петербургской Духовной Академии епископа Сергия... Но он знал, что его радость не у этого гроба и отказался от служения этой панихиды; и за это дождался своей первой крупной радости: — Победоносцев^{14*} через неделю после этого назначил его архиепископом Финляндским.

— Это ли не радость! Это почётная синекура была куплена только верою, любовью и чистотою!.. т. е. благовременным отказом от молитвы о нечестивом конституционалисте Сергее Трубецком.

А через две недели Победоносцев ушёл со своего поста, и вместе с ним кончили свои дни петербургское самодержавие. Началась «конституция» и обещание России всяких конституционных благ.— Эти дни застают Сергия Страгородского уже членом Синода — почти безменным!

С 1906 года по 1917 год митрополит Сергей не покидал Синода и всё радовался при всяких переменах и при всяких обстоятельствах и получил за это все положенные награды.

Но особенно памятны следующие его радости:

В 1906 году, как человек известный богословскою ученостью, он был приглашён в Предсоборное Присутствие для подготовки работ к созванию церковного Собора^{15*}.

В этом Присутствии архиеп[ископ] Сергей говорит превосходные речи об устройстве церковной жизни и в частности о необходимости приходской самодеятельности. Но что он говорил в Присутствии,— то систематически отвергал в качестве члена Святейшего Синода,— ибо из всех его проектов Синодом не было утверждено буквально ни одного! А все постановления Синода подписаны и самим Сергием. Такова его чистота и кротость!^{16*}

Нужно отметить ещё одно обстоятельство: в Финляндской Епархии приходская жизнь всегда была поставлена очень высоко — на основании Финляндской конституции параллельно протестанским приходам. И архиеп[ископ] Сергей в качестве архиеп[ископа] Финляндского признавал и благословлял то, что решительно отвергал в качестве члена святого Синода.— Так время текло, и все благие проекты Предсоборного Присутствия мало-помалу были забыты, был забыт и самый Собор и его необходимость. А наши архиереи все радовались и радовались, и в первом ряду их был архиеп[ископ] Финляндский Сергей со своею голубиною чистотой.

* * *

1911 год. Так дело шло до 1911 года. А о радостях митр[ополита] Сергия за 1911 год рассказывает очень красноречиво бывший председатель Госуд[арственной] Думы Родзянко^{17*}. Он пишет (Крушение Империи, стр. 25–27), что к 1911 году Распутин^{18*} был на высоте своего положения, императрица Александра^{19*} была вполне под его влиянием и требовала от Обер-Прокурора Свят[ейшего] Синода посвящения Распутина в сан священника. Синод под председательством митр[ополита] Антония Вадковского^{20*} отказывался от этого; а отдельного архиерея для посвящения не находилось. Но когда митр[ополит] Антоний заболел и уехал лечиться, то в конце концов Обер-Прокурор

«уломал-таки большинство членов Синода под председательством (архи)епископа Сергия Финляндского, который замещал митр[ополита] Антония, вопрос о возведении Варнавы^{21*} безграмотного монаха,— (бывшего до пострижения в монашество простым огородником) во епископы был разрешён большинством голосов в утвердительном смысле».

Так пишет Родзянко, вспоминая, как «какой-то проходимец, хлыст играл святителями»^{22*}.

Да, хлыст играл святителями, а архиепископ Финляндский Сергей уже тогда радовался, что хлыст Распутин им доволен.— В это время в Синоде рядом с Сергием сидел другой остроумный епископ, который так характеризовал деятельность этого Синода: «мы по распоряжению Обер-Прокурора готовы чёрного кабана в архиереи посвятить».— Это буквальные слова архиерея!^{23*} — Так вот с каких пор, с 1911 года, архиепископ Сергей стал «известен своею, любовию и голубиною простотою (или чистотою?)».

* * *

1912–1916 годы.— Эти годы в жизни Свят[ейшего] Синода были ознаменованы постоянными, маловероятными скандалами:

1) удаление на покой Саратовского епископа Гермогена^{24*}, который в Синоде не соглашался исполнять придворные капризы.— Все остальные члены Синода и митр[ополит] Сергей, конечно, соглашались и радовались...

2) назначением митрополитом Московским невменяемого старика Томского архиепископа Макария^{25*} за непокорность^{26*} Распутину;

3) изгнанием из Петрограда в Киев митр[ополита] Владимира^{27*} за непокорность Распутину;

4) назначением в Петроград митр[ополита] Питирима^{28*} и в Грузию экзарха Алексия^{29*} по прямому распоряжению Распутина...

5) назначением в Тобольск на родину Распутина распутинца епископа Варнавы для сокрытия всех тёмных дел Распутина.

6) Наконец [в] 1916 году разыгрался в Синоде страшный скандал с открытием мощей святителя Тобольского Иоанна^{30*}.

Ставленник Распутина еп[ископ] Варнава явно оскорблял Синод и оставался вполне неуязвим.

И за все эти годы митр[ополит] Сергей был неизменно в Синоде и очень мило улыбался всегда радовался и радовался... Ибо пред сильными мира сего разве можно не радоваться? Не любо да радуйся, если начальство велит!

* * *

1917 год. Так дело дошло до Революции 1917 года. Грянула революция. Синод оказался в нелепом положении по отношению к новой власти^{31*}. Всё время ранее радовался Синод, глядя на царя и царицу, а тут вдруг пришлось радоваться, глядя на Влад[имира] Львова!^{32*} —

Львов требовал от Синода одного, а — Синод думал всегда и неизменно «совсем напротив»... И из всех Синодских архиереев ухитрился действительно радоваться опять-таки только митр[ополит] Сергей! И вот как это случилось.

Во время пасхального перерыва в занятиях пленума Синода, в Петрограде оставались только трое: архиепископ[оп] Финляндский Сергей, архиеп[ископ] Литовский Тихон (будущий патриарх) и один протоиерей^{33*}. Обер-прокурор Львов решил воспользоваться отсутствием других (несговорчивых) членов Синода и ловко перекрасил с помощью архиепископа Сергея Синодальные издания в революционные цвета. — Архиепископ Тихон Литовский, оставшись в полном одиночестве против Сергея и против Шавельского^{34*}, принужден был беспомощно подписать чужие решения. Но будущий патриарх не забыл этого унижения и уже более никогда Сергию ни в чём не верил, чего и не скрывал.

Наконец Львов вызвал новый состав Синода вместо последнего царского.

Члены прежнего Синода дали взаимное обещание друг другу не идти в новый «львовский» Синод. — Но митр[ополит] Сергей оказался верен себе и «верою и любовью и чистотою» остался служить при Львове... Единственный!

Вот что значит сердечная чистота!

Но на Соборе 1917 года произошёл крупный скандал, когда митр[ополита] Сергея архиереи не пустили в председатели одной из главнейших комиссий Собора, явно выразив ему недоверие. Митроп[олит] Сергей при всей своей «чистоте» почувствовал, что его положение чрезвычайно неловкое, собирался даже уехать с Собора, но, конечно, благоразумно не собрался и всё осталось по старому; а после избрания патриарха — он стал радоваться с патриархом; и эти радости митр[ополита] Сергея продолжались до 1922 года, до первой крупной беды, которая постигла патриарха Тихона.

* * *

1922 год. — Страшный исторический год для русской Церкви!^{35*} Год расплаты за прежние беззакония русской иерархии.

Патриарх Тихон был арестован,^{36*} а его аресту помогла и содействовала организация недостойнейших священников под названием «Живая Церковь»^{37*}. Они предательски оболгали патриарха, выкрали у него канцелярию и пригласили себе в сотрудники заведомо бессовестных епископов Антонина^{38*} и Леонида^{39*}. Создалась настоящая пресвитерианская организация, а для отвода глаз, для сокрытия обмана приглашены были архиерей-катаскопы^{40*}. Патриарх Тихон был в узах. Положение церковного управления было отчаянное. Москва не верила Антонину и Леониду, — потому что это были явные пройдохи-скандалисты.

Москва не признавала этого ужасного подлога в замене патриаршеского управления. Вся Россия не знала, как оценить совершившееся...

А кто оценил? Кто всё понял? — О, — всё тот же неизменный, приятный во всех отношениях, известный верою, любовью и чистотою — митроп[олит] Нижегородский Сергей!! Он — он всё запутал, всех обманул и признал ВЦУ единственною каноническою властью в России. И только за ним, за его «чистотою» потянулись все мелкие сошки духовного звания.

«Уж если многоучёный Сергей признал каноничность ВЦУ, то что же рассуждать?!» так говорили русские простецы. —

И попались в страшную ловушку, которую устроил всем митроп[олит] Сергей^{41*}.

Он, только он, со своим авторитетом Ректора Академии, утвердил в Русской Церкви этот позор «Живой Церкви» и обновленчества, когда беззаконие стало признаваться

в Церкви Законом, и когда Иудино окаянство стало расцениваться как гражданская добродетель. Правда, Сергей теперь уверяет, что при его подписке воззвания в пользу ВЦУ против него (и Евдокима^{42*}) была организована чуть не газовая атака, но от этого никому не легче! — Все-таки митрополит Сергей главнейший виновник укрепления Ж.Ц. среди русских простецов для их развращения. И как признавший ВЦУ, Сергей признавал и все его распоряжения: о низложении патриарха Тихона, о лишении его сана и монашества и признавал правильными все обвинения против патриарха. И так пока п[атриарх] Тихон был под арестом, м[итрополит] Сергей радовался с развратным Антонином и так до 1923 года.

Однако многие жители Н[ижнего] Новгорода недоумевали, как же всё-таки это могло случиться? — Тогда митр[ополит] Сергей с неподражаемой верою и чистотою (и цинизмом) говорил: «ладно, мне надоело таскаться по тюрьмам! Теперь у меня главный догмат: не сидеть в тюрьме». (Слова инженера Тяжеловесова в Бут[ырской] тюрьме в 1922 году^{43*}.)

* * *

1923 год.— Весною патриарх Тихон неожиданно оказался на свободе^{44*}.

Добродушная и малодумающая Москва немедленно с лёгким сердцем забросила своё гнусное ВЦУ и вернулась к своему Первоиерарху... Потянулись к нему назад и архиереи; а во главе их? — во главе их вернулся наш знакомец, известный кротостию, учёностию и чистотою митр[ополит] Сергей...

Он, конечно, признал свою ошибку! Да как же было и не признать? — Ведь народ, узнав всю ложь Живой Церкви, буквально в шею изгонял своих живоцерковников.— После такого поощрения к покаянию, разумеется, каяться было довольно легко, хотя и не очень радостно.

И Сергей покался.—

Да, для того, чтобы признать ВЦУ нужно было ещё хлопотать,— свою измену патр[иарху] Тихону нужно было подтвердить хоть 34 правилом Св[ятых] Апостолов, что у всякого народа должно быть одно церковное Управление; а чтобы снова признать патр[иарха] Тихона можно было обойтись и без канонов, ибо здоровенный кулак Нижегородского крючника был и без канонов, достаточным аргументом в пользу признания со стороны митр[ополита] Сергея прав оскорбленного Патриарха.

И пришлось признавать, хоть и горько было.

Но даже тишайший Тихон потребовал от Сергея довольно унижительной процедуры покаяния — всенародного и во всяком смирении.— Сергей всему подчинился! Но после этого патр[иарх] Тихон уже окончательно лишил его своего доверия, чего и не скрывал.

Разумеется, радости в этом для митр[ополита] Сергея было не много. Но если нечему было радоваться, то во всяком случае из двух зол Сергей избрал для себя меньшее...

* * *

1925 год. Патриарх Тихон чувствовал приближение смерти... Он решил оставить себе преемника. После долгого раздумия он оставил себе трёх приемников: митр[ополита] Кирилла, митроп[олита] Агафангела и митроп[олита] Петра.

Это решение патриарха Тихона нельзя назвать удачным, ибо сразу, в случае его смерти управление Церковью разбивалось этим трёхглавием. Но замечательно, что патр[иарх] Тихон, человек безукоризненно честный, оставил себе преемниками людей несравненно менее учёных и несравненно менее заслуженных, чем митр[ополит] Сергей, но решительно вычеркнул из числа своих Заместителей именно этого многоучёного Сергия, ибо вовсе ему не верил.

* * *

1926 и 1927 годы.— После всего случившегося и пережитого митр[ополитом] Сергием, всякий человек на его месте постарался бы сидеть смирёхонько и позаботился бы только о том, чтобы его учёности и о его грехах добрые люди забыли.

Но не таков митр[ополит] Сергей!

Его вера в себя и любовь ко всяким радостям не позволили ему сидеть в Н[ижнем] Новгороде и с его стороны начались бесчисленные интриги, чтобы опять влезть в барские хоромы. Без всякого преувеличения трудно перечислить, что он предпринимал для того, чтобы попасть на первое место и чтобы играть роль большого человека. Для этого ему нужно было рассориться с архиеп[ископом] Григорием^{45*}, с архиеп[ископом] Дмитрием^{46*}, с митр[ополитом] Агафангелом, с митр[ополитом] Иосифом, с архиеп[ископом] Серафимом...^{47*} Почти всех их он запретил в священнослужении!.. И хорошо ещё, что никто не послушал этого безумного веления мучителя злочестивого! А иначе могла получиться такая дикая картина церковной жизни, что все честные епископы запрещены на радость врагам Церкви, а все явно бесчестные катаскопы на свободе на радость митр[ополита] Сергия...—

Никакая фантазия не может выдумать ничего более тяжёлого для святой Церкви. Но на это решился митр[ополит] Сергей, человек — на всё способный.

А конец и венец всем его радостям — это его пресловутая «Декларация», в которой он пишет комплименты Советской власти и заканчивает: «ваши радости — наши радости; ваше горе — наше горе»...

Эта «Декларация» не прошла без последствий! Пока митр[ополит] Сергей радовался на свои хитрые планы, непосредственно за его Декларацией — в сентябре и октябре 1927 года были закрыты монастыри в Сарове, Дивееве, в Понетаевке, и потом пять монастырей в Казани, в Оренбурге и т. д. и т. д. А сколько храмов обращены в клубы и уничтожены — трудно перечислить...

Так дорого оплачиваются в жизни архиерейские радости.— И в то время как митроп[олит] Сергей позорно радовался вместе с обновленцами своим позорным благополучием,— только немногие верующие люди поняли, что им нужно делать и сделали вопреки всяким хитростям митр[ополита] Сергия.

* * *

Ещё два слова о «Декларации» митр[ополита] Сергия.

Конечно,— о вкусах не спорят. Но если у агентов Советской власти есть чувство брезгливости, то они, конечно, отказались бы от сотрудничества с митр[ополитом] Сергием (хотя и не секретного),— уж очень скверно пахнет от его «Декларации».

Есть мудрое наблюдение классической древности: «покажи мне твоих друзей, и я скажу, кто ты»... —

Советская власть хорошо делает, если вспомнит это мудрое правило.

* * *

Какие же выводы мы можем сделать из всех «радостей» митроп[олита] Сергия? — Вот какие:

- 1) да, он бесспорно человек учёный и даже не глупый; и тем он опаснее;
- 2) канонически его пребывание у церковной власти вполне не может быть оправдано;
- 3) нравственно, как руководитель духовенства, — он тоже вполне не приемлем, как человек вполне беспринципный.

И последний вывод — ответ на вопрос:

«Где правда» (ибо мы вынуждены ответить на это заглавие брошюры о митроп[олите] Сергии); этот последний вывод такой: правда там, где нет митроп[олита] Сергия, где нет ничего, подобного обновленческому предательству.

КОММЕНТАРИИ *

^{1*} *Кузнецов Николай Дмитриевич* (1863–1930) — церковный юрист и общественный деятель. Окончил физико-математический факультет Московского университета, С.-Петербургскую духовную академию и Ярославский юридический лицей. Магистр богословия. С 1901 служил присяжным поверенным Московской Судебной Палаты. Член Предсоборного Присутствия (1906) и Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918. В 1911–1913 — доцент по кафедре церковного права Московской духовной академии, магистр богословия. В 1918–1919 состоял профессором церковного права в Православной народной академии; был членом Исполнительного бюро Совета объединенных приходов Москвы. В 1918 и 1919 арестовывался, в 1920 приговаривался к расстрелу; приговор был заменен на пять лет тюремного заключения. В 1921 — освобожден по амнистии. В 1921–1924 — преподаватель апологетики на Богословских академических курсах в Москве. Был помощником Патриарха Тихона в решении различных гражданско-юридических и церковно-канонических вопросов; неоднократно вступал в переговоры с представителями Советской власти по поводу различных указаний и циркуляров большевиков относительно Церкви. В 1924 К. был вновь арестован, а в 1925 приговорен к ссылке, находясь в которой и скончался.

^{2*} *Сергий* (в миру Страгородский Иван Николаевич; 1867–1944) — Патриарх Московский и всея Руси (с 1943). Окончил С.-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия (1890). Тогда же принял монашеский постриг, служил миссионером в Японии, судебным священником на корабле «Память Азова». «Ученый монах», архимандрит (1894), магистр богословия (1895). С 1901 — епископ, викарий С.-Петербургской епархии и ректор (с 1899) столичной духовной академии. С 1905 — архиепископ Финляндский. Член Предсоборного Присутствия (1906), председатель Предсоборного Совещания при Св. Синоде (с 1912). С 1911 — постоянный член Св. Синода, с 1913 — председатель Миссионерского совета и исполняющий обязанности председателя Учебного комитета при Св. Синоде. С 1917 —

* Комментарии составлены С. Л. Фирсовым.

архиепископ Владимирский, в том же году возведен в сан митрополита. Член Поместного Собора 1917–1918. В 1921 несколько месяцев находился в заключении в Бутырской тюрьме. В 1922 уклонился в обновленческий раскол; подчинился обновленческому Временному Церковному Управлению. После выхода Патриарха Тихона из заключения покаялся и был принят им в сущем сане. С 1924 — митрополит Нижегородский. С 10 декабря 1925 — Заместитель Патриаршего Местоблюстителя (согласно распоряжению Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра (Полянского)). Некоторое время (в 1926 и 1927) находился под арестом. 16 июля 1927 выпустил знаменитую «Декларацию» (Послание) об отношении Православной Российской Церкви к Советской власти. С 1934 — митрополит Московский и Коломенский, имел титул «Блаженнейшего» и право ношения двух панагий. С января 1937 — Местоблюститель Патриаршего Престола. 8 сентября 1943 Архиерейским Собором был избран Патриархом Московским и всея Руси.

^{3*} 34 *Апостольское Правило* гласит: «Епископам всякого народа подобает знати первого из них, и признавати его как главу, и ничего превышающего их власть не творити без его рассуждения: творити же каждому только то, что касается до его епархии, и до мест к ней принадлежащих. Но и первый ничего да не творит без рассуждения всех. Ибо тако будет единомыслие, и прославится Бог о Господе во Святом Духе, Отец и Сын и Святой Дух» (см.: Книга правил святых Апостол, святых Соборов Вселенских и поместных и святых Отец. — [М.], 1992. — С. 17).

^{4*} *Тихон* (в миру Беллавин Василий Иванович; 1865–1925) — Патриарх Московский и всея России (с 1917). Окончил С.-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия. Преподавал. В 1891 принял монашеский постриг с именем Тихон в честь святого Тихона Задонского. С 1892 — архимандрит; с 1897 — епископ Люблинский, викарий Холмско-Варшавской епархии. С 1898 по 1907 — епископ Алеутский и Аляскинский (СевероАмериканский). С 1905 — архиепископ. В 1907–1913 — архиепископ Ярославский, в 1913–1917 — Виленский и Литовский. В 1917 избран митрополитом Московским. На Поместном Соборе 1917–1918 (5 ноября 1917) был избран и наречен Патриархом Московским и всея России. Неоднократно подвергался арестам, в 1922 — по «делу» о церковных ценностях. На случай своей кончины, 25 декабря 1924 (7 января 1925 по григорианскому календарю) Тихон составил завещательное распоряжение, в котором указал имена своих возможных преемников — «до законного выбора Патриарха». Это были митрополиты Кирилл (Смирнов), Агафангел (Преображенский) и Петр (Полянский).

В 1981 — причислен к лику святых РПЦЗ, а в 1989 — РПЦ; в 1992 были вновь обретены его мощи.

^{5*} *Петр* (в миру Полянский Петр Федорович; 1862–1937) — русский церковный деятель, один из ближайших сотрудников Патриарха Тихона. Окончил Московскую духовную академию; магистр богословия. К 1917 — действительный статский советник, служил по духовному ведомству. Член Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918; член секретариата Собора. По предложению Патриарха Тихона в 1920 принял монашество и священство, был хиротонисан во епископа Подольского, викария Московской епархии. В 1921–1923 находился в ссылке (Великий Устюг). С 1923 — архиепископ, а с 1924 — митрополит Крутицкий; член Священного Синода. Согласно завещанию Патриарха Тихона П. был третьим кандидатом на должность Местоблюстителя Патриаршего Престола (после митрополитов Казанского Кирилла (Смирнова) и Агафангела (Преображенского)). После смерти (в апреле 1925) Патриарха Тихона, постольку, поскольку митрополиты Кирилл и Агафангел находились в ссылке, П. вступил в управление Церковью в качестве Местоблюстителя Патриаршего престола; был утвержден в этой должности Архиерейским Собором 12 апреля 1925. 10 декабря 1925 был арестован и уже до конца жизни находился в тюрьмах и ссылках. В 1936 НКВД официально известило о смерти П., на самом деле расстрелянного в 1937 и погребенного в Магнитогорске. Канонизирован РПЦЗ и РПЦ (в 1997).

^{6*} *Кирилл* (в миру Смирнов Константин Иларионович; 1863–1937) — русский церковный деятель. Окончил С.-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия. С 1887 — священник. После смерти жены и ребенка принял монашеский постриг (1902), архимандрит. В 1904 — епископ Гдовский, викарий С.-Петербургской епархии. В 1909–1918 — епископ и (с 1913) архиепископ Тамбовский. Член Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918. В 1918 назначен митрополитом Тифлиским и Бакинским, Экзархом Кавказским, но к месту назначения прибыть не смог. В 1919 был арестован в Москве. С 1920 — митрополит Казанский и Свияжский; член Священного Синода. С августа 1922 — в тюремном заключении в Москве, в 1922–1930 — в ссылке. Согласно завещательному распоряжению Патриарха Тихона — первый кандидат (из трех) на место Патриаршего Местоблюстителя. В 1926 по инициативе группы архиереев тайно избран Патриархом, после публикации Декларации митрополита Сергия (Страгородского) находился в оппозиции. В результате этого, в 1929, митрополитом Сергием (Страгородским) был отстранен от кафедры и запрещен в священнослужении. С 1934 находился в ссылке. В 1937, вместе с митрополитом Иосифом (Петровых) был расстрелян. Канонизирован РПЦЗ.

^{7*} *Агафангел* (в миру Преображенский Александр Лаврентьевич; 1854–1928) — известный церковный деятель начала XX в. Окончил Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия; преподавал в духовных школах. В 1885 (после смерти жены и сына) принял постриг, был рукоположен во иеромонаха. С 1889 — епископ Киренский, викарий Иркутской епархии. С 1893 — епископ Тобольский и Сибирский; с 1894 — епископ Рижский и Митавский; в 1904 возведен в сан архиепископа. С 1910 — архиепископ Литовский и Виленский. В 1913–1928 — правящий архиерей Ярославской и Ростовской епархий. С 1917 — митрополит. Член Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918, член Высшего Церковного Совета при Патриархе Тихоне. Согласно завещанию Патриарха — второй кандидат на должность Местоблюстителя Патриаршего Престола. С июня 1922 находился в заключении, осенью 1923 приговорен к трем годам ссылки, которую отбывал в Нарымском крае. Ради «мира церковного» в 1926 отказался от своих местоблюстительских прав. В течение полугодия (январь–июнь) в 1928 состоял в оппозиции митрополиту Сергию (Страгородскому), но затем вернулся в общение с ним. Канонизирован РПЦ (2000).

^{8*} О проблеме преемственности власти в Православной Российской Церкви после кончины Патриарха Тихона (Беллавина) на фоне внутрицерковных конфликтов второй половины 1920–1930-х гг. см. подр.: Мазырин Александр, иерей. Высшие иерархи в Русской Православной Церкви в 1920–1930-х годах.— М., 2006. См. также: Регельсон Л. Л. Трагедия Русской Церкви. 1917–1945.— М., 1996.— С. 96–128 и др.

^{9*} *Василий III* (миру Георгиадис Василиос; 1846–1929) — Патриарх Константинопольский (с 13 июля 1925). Окончил богословский факультет Афинского университета, продолжив образование в Мюнхенском университете. В 1884–1889 был директором патриаршей духовной семинарии в Галатее. С 1888 — митрополит Антиальский, с 1909 — митрополит Пелагонийский, с 1910 — митрополит Никейский. В отношении «обновленческого» раскола В. занял нейтральную позицию, отличную от позиции его предшественников (Патриархов Григория VII и Константина VI), воздержавшись от прямого вмешательства в противостояние обновленцев с последователями Патриарха Тихона. В ответ на телеграмму обновленческих лидеров по случаю избрания его Патриархом, Василий выразил надежду на «умиротворение и соединение Святой братской Русской Церкви», отказавшись посетить Москву и возглавить готовившийся там обновленческий «Поместный Собор».

^{10*} *Иосиф* (в миру Петровых Иван Семенович; 1872–1937) — русский церковный деятель. Окончил Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия (1899); через два года был пострижен в монахи; иеромонах. «Ученый монах», магистр богословия, экстраординарный профессор и инспектор Московской духовной академии (1903). Архимандрит (1904). С 1909 — епископ Угличский, настоятель Ростовского Спасо-Яковлевского монастыря). В 1918 временно управлял Рижской епархией; в 1920 — архиепископ Ростовский. В 1925 вре-

менно управлял Ростовской и Старорусской епархиями. В 1924 вошел в состав Священного Синода при Патриархе Тихоне. В 1926–1927 — митрополит Ленинградский. Не признал «Декларацию» митрополита Сергия (Страгородского) и вскоре был переведен в Одессу. Подчиниться решению митрополита Сергия отказался. В январе 1928 подписал акт отхода от митрополита Сергия (Страгородского) и в марте 1928 был запрещен последним в священнослужении. Возглавил движение оппозиции митрополиту Сергию, получившее название «иосифлянства». Осенью 1929 был арестован и выслан в Казахстан; в ссылке вновь арестован и привлечён к делу «Всесоюзной организации Истинно Православной Церкви». В показаниях 1930 писал: «Сергий хочет быть лакеем Советской власти, мы — хотим быть честными, лояльными гражданами Советской Республики с правами человека, а не лакея, и только». В 1937 вместе с митрополитом Кириллом (Смирновым) был расстрелян. Канонизирован РПЦЗ.

^{11*} Иисус сказали им в ответ: берегитесь, чтобы кто не прельстил вас (Мф. 24:4); Не обманывайтесь: худые сообщества развращают добрые нравы (1 Кор. 15:33); Ссылка на послание Святого Апостола Павла к Колоссянам неясна, ибо это послание состоит только из четырех глав.

^{12*} Речь идет о Послании Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского) и Временного при нем Патриаршего Священного Синода об отношении Православной Российской Церкви к существующей гражданской власти от 16 (29) июля 1927. В этом тексте, принятом под нажимом властей, митрополит, среди прочего, писал: «Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи. Всякий удар, направленный в Союз, будь то война, бойкот, какое-нибудь общественное бедствие или просто убийство из-за угла, подобное Варшавскому [когда был убит один из виновников гибели царской семьи советский полпред в Польше П. Л. Войков.— С. Ф.], сознается нами как удар, направленный в нас. Оставаясь православными, мы помним свой долг быть гражданами Союза “не только из страха, но и по совести”, как учил нас Апостол (Рим 13:5). И мы надеемся, что с помощью Божиею, при вашем общем содействии и поддержке эта задача будет нами разрешена» (см.: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. Сборник в двух частях / Составитель М. Е. Губонин.— М., 1994.— С. 510–512). Столь откровенно «советские» слова заделали чувства многих православных христиан, многие из которых отказывались признать радости гонителей собственными (хотя, следует признать, митрополит Сергий писал о радостях «родины», а не власти — филологические «тонкости» оказались неочевидными). Стремление любой ценой сохранить патриаршее управление Церковью имело платой установление государственного контроля за действиями Церкви, в том числе и за ее кадровой политикой. К тому же остановить репрессии против священнослужителей, как показало ближайшее будущее, Декларация 1927 не смогла. В последующие годы митрополит Сергий вынужден был сдавать свои позиции, к началу Второй мировой войны оставшись лишь с тремя правящими архиереями: митрополитом Алексием (Симанским) и архиепископами Николаем (Ярушевичем) и Сергием (Воскресенским). Епархий как административных единиц уже почти не существовало. На территории СССР (без учета присоединенных после 1939 территорий) действовало 380 храмов (см.: Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь и Советское государство в 1940–1950-х гг. // Церковь и государство в русской православной и западной латинской традициях. Материалы конференции 22–23 марта 1996 г.— СПб., 1996.— С. 112). Это был настоящий организационный разгром.

^{13*} *Трубецкой Сергей Николаевич* (1862–1905) — князь, русский религиозный философ, публицист и общественный деятель. Последователь и друг В. С. Соловьева. Окончил историко-филологический факультет Московского университета, в котором состоял (с 1900) профессором по кафедре философии. Перед началом 1905/1906 учебного года был избран ректором Московского университета, но скоропостижно скончался в конце сентября 1905.

Заявление автора о том, что епископ Сергей (Страгородский) отказался служить панихиду по Трубецкому из-за каких-то корыстных соображений, дожидаясь «крупной радости», не выдерживает критики хотя бы потому, что спустя несколько месяцев после смерти князя он благословил отслужить в стенах С.-Петербургской духовной академии панихиду по казненному лейтенанту — государственному преступнику П. П. Шмидту (см., напр.: «Мирянин»: Тоже молельщики! // Русское Знамя. — 1906. 15 марта. — С. 2.; Богданович А. Три последних самодержца. — М., 1990. — С. 376. Запись от 10 марта 1906). Епископ Сергей не мог не знать, что подобное «благословение» может вызвать жесткую реакцию как его духовного начальства, так и светских властей и надолго (если не навсегда) остановить его «карьеру». Однако он пренебрег вполне реальными наказаниями и разрешил просимое студентами.

^{14*} *Победоносцев Константин Петрович* (1827–1907) — выдающийся русский государственный деятель консервативного толка конца XIX — начала XX в., действительный тайный советник (1883). Окончил Императорское Училище Правоведения. Учитель цесаревича Николая Александровича, императоров Александра III и Николая II, многих членов императорской фамилии. Обер-прокурор Св. Синода (1880–1905); член Государственного Совета (1872–1907), сенатор и статс-секретарь Его Императорского Величества. Ученый-цивилист, переводчик и публицист.

^{15*} *Предсоборное Присутствие* — специальное присутствие, созданное по решению Св. Синода от 14 января 1906 для предварительного обсуждения всех намеченных к соборному рассмотрению вопросов. Председателем Предсоборного Присутствия был назначен митрополит С.-Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский), архиепископ Сергей (Страгородский) был председателем седьмого отдела Предсоборного Присутствия, занимавшегося анализом мер, необходимых «к ограждению православной веры и христианского благочестия от неправых учений и толкований ввиду укрепления начал веротерпимости в империи». Работы Предсоборного Присутствия официально начались 8 марта 1906 и с перерывами продолжались до 15 декабря 1906. Собранные материалы в дальнейшем были частично использованы при подготовке Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918.

^{16*} Замечание автора совершенно некорректно, ибо невозможность продолжения церковных реформ после 1907 (в связи с общими внутривластными изменениями) заставляла не только Сергея (Страгородского), но и всех остальных членов Св. Синода не поднимать вопросов, поднятых ими в годы революции, когда надежды на скорый созыв Поместного Собора были исключительно сильны (см. подробнее: Фирсов С. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.). — М., 2002).

^{17*} *Родзянко Михаил Владимирович* (1859–1924) — русский государственный деятель, мемуарист. Обучался в Пажеском корпусе (окончил в 1877). Служил в Кавалергардском полку, в 1885 вышел в отставку. Участник земских съездов. Один из основателей Союза 17 Октября (1905). Действительный статский советник (1906), камергер Высочайшего Двора. В 1906–1907 — член Государственного Совета. В октябре 1907 сложил с себя полномочия в связи с избранием в Государственную Думу. Депутат Государственной Думы 3-го и 4-го созывов от Екатеринославской губернии. С марта 1911 — председатель Государственной Думы (до Февральской революции 1917). Непримируемый борец против «темных сил», олицетворением которых считался Григорий Распутин. В дни Февральской революции возглавил Временный Комитет Государственной Думы. Летом 1917, вместе с А. И. Гучковым основал Либерально-республиканскую партию. Резко критиковал Временное Правительством за развал страны. Член Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918, товарищ председателя Собора и член Соборного совета от Государственной Думы. После Октябрьского переворота 1917 выехал на Дон, стремился создать «опору власти» на Юге России, для чего предлагал воссоздать 4-ю Государственную Думу или собрание депутатов всех созывов. Умер в эмиграции.

^{18*} *Распутин (Новых) Григорий Ефимович* (1869–1916) — крестьянин Тобольской губернии; один из наиболее близких к последней царской чете «Божий человек», почитавшийся ими как «старец» и «друг». Имел значительное влияние на церковную политику.

^{19*} *Александра Федоровна* (1872–1918) — российская императрица и супруга императора Николая II (с 1894). Дочь Великого герцога Гессенского. Расстреляна вместе с семьей в ночь с 16 на 17 июля 1918. Канонизирована РПЦЗ (1981) и РПЦ (2000).

^{20*} *Антоний* (в миру Вадковский Александр Васильевич; 1846–1912) — русский церковный деятель конца XIX — начала XX в. Окончил Казанскую духовную академию, где в дальнейшем преподавал. Магистр богословия. После смерти жены и детей постригся в монашество; иеромонах, архимандрит (1883). «Ученый монах», магистр богословия. С 1887 — епископ Выборгский, викарий С.-Петербургской епархии. С 1892 — архиепископ Финляндский, а с 1898 — митрополит С.-Петербургский и Ладужский. Первенствующий член Св. Синода (с 1900). Доктор церковной истории. Председатель Предсоборного Присутствия (1906). Один из учителей и покровителей Сергия (Страгородского). В годы первой российской революции, когда стоял вопрос о восстановлении патриаршества в Православной Российской Церкви, считался одним из наиболее вероятных кандидатов на патриарший стол. Некоторое время (в 1905–1906) поддерживал либерально настроенных священников своей епархии — представителей дореволюционного «обновленчества».

^{21*} *Варнава* (в миру Накропин Василий Александрович; 1859–1924) — скандально известный иерарх Православной Российской Церкви. Происходил из крестьян Олонецкой губернии. Обучался в Петрозаводском городском училище. Согласно православной традиции, Варнава с молодых лет был «не от мира сего». В 36 лет определился послушником Клименецкого монастыря. В 1897 принял монашеский постриг. С 1898 — иеромонах, в 1899 назначается настоятелем Клименецкого монастыря. В 1904 — игумен. Вскоре назначен настоятелем второклассного Палеостровского монастыря, архимандрит. В 1908 — настоятель Колеменского Ново-Голутвинова, а с 1910 — первоклассного Старо-Голутвинова монастыря. С 1911 — епископ Каргопольский, викарий Олонецкой епархии. С 1913 — епископ Тобольский и Сибирский; в 1916 возведен в сан архиепископа. В 1916 был активным участником прославления святителя Иоанна Тобольского. Считался интриганом. Сразу же после Февральской революции был уволен на покой и фактически сослан в Высокогорский Воскресенский монастырь Нижегородской епархии. В 1918 подвергся аресту и содержался в Бутырской тюрьме. В 1919 был назначен настоятелем Троицкого Калязина монастыря Тверской епархии; в 1920 — назначен архиепископом Архангельским, но к месту назначения не поехал.

В предреволюционные годы было распространено мнение (нашедшее отражение и в эмигрантской мемуаристике), согласно которому Варнава был интриганом и безнравственным карьеристом, продвигавшимся по церковной лестнице благодаря дружбе и покровительству Григория Распутина. Согласно противоположному мнению, Варнава был глубоким молитвенником и нравственным архиереем, никогда не искавшим «своего». После кончины Варнавы его отпевал Патриарх Тихон.

^{22*} Автор, ссылаясь на воспоминания М. В. Родзянко, все перепутал, странным образом связав желание императрицы видеть Григория Распутина в священном сане и отсутствие «отдельного архиерея для посвящения» (!). Столь неграмотная формулировка заставляет усомниться в том, что автором комментируемого текста мог быть епископ Православной Церкви, к тому же с высшим богословским образованием. Во-первых, если императрица и хотела рукоположения сибирского «старца» во священники (о чем судить весьма проблематично), то это никак не могло связываться с тем обстоятельством, что у церковной власти были кадровые «проблемы» с кандидатами на епископство (как топорно сказано в тексте об «отдельном архиерее»): ведь Григорий Распутин был женат и в принципе не мог претендовать на архиерейство. Во-вторых, автор комментируемого текста сумбурно цитирует воспоминания М. В. Родзянко, по собственному усмотрению связывая различные фразы председателя

Государственной Думы лишь для того, чтобы выставить в негативном свете архиепископа Сергия (Страгородского).

Так, он действительно пишет (со слов неназванного епископа), что на одном из секретных заседаний Св. Синода обер-прокурор В. К. Саблер предложил рукоположить Распутина в иереи, но Синод на это не согласился. При этом якобы избличающую Распутина речь произнес епископ Гермоген (Долганев), в то же время выступавший и против возрождения института диаконис (чего желала великая княгиня Елизавета Федоровна). «Одновременно с предложением великой княгини,— вспоминал М. В. Родзянко,— Саблер, видя, что Синод неумолим в вопросе о рукоположении Распутина, придумал новую комбинацию. Он предложил возвести в сан епископа викарного Каргопольского, некоего архимандрита Варнаву, сторонника Саблера и Распутина, малообразованного монаха, бывшего до пострижения своего простым огородником. Саблер рассчитывал, что этот послушный об прокурору епископ исполнит его волю и рукоположит Распутина в священнический сан. <...> В конце концов Саблер уломал-таки большинство членов Синода: под председательством епископа Сергия Финляндского, который замещал митрополита Антония, вопрос о возведении Впрнавы в епископы был разрешен большинством голосов в утвердительном смысле». Несколькоими абзацами ниже Родзянко пишет о реакции на церковные дела правого депутата Государственной Думы В. М. Пуришкевича, цитируя его слова: «Какой-то проходимец, хлыст, грязный мужик играет святителями нашими» (см.: [Родзянко М. В.] Крушение Империи. (Записки председателя Русской Государственной Думы М. В. Родзянко) // Архив русской революции.— Берлин, 1926. Т. XVII.— С. 30–31, 32).

^{23*} Речь идет об архиепископе (будущем митрополите) *Антонии* (в миру Алексее Павловиче Храповицком; 1863–1936) — русском церковном деятеле конца XIX — первой четверти XX в. Согласно легенде, знакомство с юным Алексеем Храповицким вдохновило Ф. М. Достоевского на создание образа Алеши из «Братьев Карамазовых». Выходец из дворянской семьи, Антоний тем не менее с юных лет выбрал для себя церковное служение и окончил С.-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия. В стенах академии Антоний и принял монашеский постриг. Считался одним из идеологов «ученого монашества». С 1888 — магистр богословия, с 1911 — доктор богословия. В 1889 исполнял должность инспектора С.-Петербургской духовной академии. С 1890 — архимандрит и ректор Московской духовной академии. С 1894 — ректор Казанской духовной академии. С 1897 — епископ Чебоксарский, викарий Казанской епархии; с 1898 — епископ Чистопольский, викарий той же епархии. С 1900 — епископ Уфимский и Мензеленский. В 1902–1914 — епископ и (с 1906) архиепископ Вольнский и Житомирский. В 1906–1907 член Государственного Совета. В 1914–1917 — архиепископ Харьковский и Ахтырский. Неоднократно назначался к присутствию в Св. Синоде. После Февральской революции был уволен на покой; затем (в августе) вновь занял Харьковскую кафедру (как избранный на епархиальном собрании). Член Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918; один из трех основных претендентов на патриарший престол (получил больше голосов, чем два других кандидата: митрополит Московский Тихон/Беллавин/и архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий)). С 1917 — митрополит. В 1918 — митрополит Киевский и Галицкий. В 1919 временно управлял Кубанской епархией; возглавлял Юго-Восточное Временное Высшее Церковное Управление. С 1920 — в эмиграции. В 1921 — председатель Всеаграрничного Карловацкого церковного Собора. С 1922 — председатель Зарубежного Синода, лидер русской церковной эмиграции, председатель всех зарубежных архиерейских соборов. Носил титул «Блаженнейшего». В 1934 митрополитом Сергием (Страгородским) был запрещен в священнослужении.

Именно Антонию принадлежит фраза о «черном борове», приводимая автором комментируемого текста. В своем письме Киевскому митрополиту Флавиану (Городецкому; 1840–1915) от 11 августа 1911 он пишет, что обер-прокурор Св. Синода В. К. Саблер заявил архиереям о желании царя видеть Варнаву (Накропина) епископом, но встретил противодействие. «Тогда В. К. вынул из портфеля всеподданнейшее прошение свое об отставке и пояснил, что в отказе Синода он усмотрит свою неспособность быть посредником между государем и Синодом

и предоставит это дело другому. Тогда я от лица иерархов сказал: “Для сохранения вас на посту, мы и черного борова посвятим в архиереи <...>”. (Из записной книжки архивиста. В церковных кругах перед революцией. Из писем архиепископа Антония Волинского к митрополиту Киевскому Флавиану) // Красный архив. Исторический журнал.— 1928.— Т. 6 (31).— С. 212). Необходимость хиротонисать Варнаву был чрезвычайно недоволен и архиепископ Сергей (Страгородский), вынужденно (как и все остальные синодалы) согласившийся на это под давлением светской власти.

^{24*} *Гермоген* (в миру Георгий Ефремович Долганев; 1858–1918) — русский церковный деятель. Окончил юридический факультет Новороссийского университета, прослушал курс математического факультета и лекции на историко-филологическом факультете. Окончил также С.-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия. В 1890 был пострижен в монашество; с 1892 — иеромонах. С 1893 — инспектор, а с 1898 — ректор Тифлисской духовной семинарии; архимандрит. С 1901 — епископ Вольский, викарий Саратовской епархии. В 1903–1912 — епископ Саратовский и Царицынский. В годы первой российской революции проявил себя исключительно активным борцом с «крамолой», выступая на стороне радикальных монархических и черносотенных сил. Первоначально друг, а затем непримиримый враг Григория Распутина, из-за конфликта с которым в январе 1912 был уволен от присутствия в Св. Синоде, а затем и от управления епархией. Проживал в Жировицком монастыре (Белоруссия), в 1915 был переведен в Николо-Угрешский монастырь (под Москвой). В марте 1917 как жертва «старого режима» получил назначение на кафедру епископа Тобольского и Сибирского. Летом 1918 Гермоген был утоплен большевиками в реке Туре. Прославлен в лике местночтимых святых Тобольской епархии (1998); в 2000 его имя было внесено в Собор Новомучеников и Исповедников Российских для общецерковного почитания.

^{25*} *Макарий* (в миру Парвицкий-Невский Михаил Андреевич; 1835–1926) — русский церковный деятель; миссионер — «Апостол Алтая». Окончил Тобольскую духовную семинарию, отказавшись поступать в духовную академию ради занятия миссионерской деятельностью. С 1855 служил в Алтайской духовной миссии. В 1861 принял монашеский постриг; иеромонах. С 1864 — наместник Чулышманского Благовещенского миссионерского монастыря. Принимал участие в подготовке к печати первой грамматики алтайского монастыря. С 1871 — игумен, с 1875 — заведующий Центральным Миссионерским училищем в селе Улалы; помощник начальника Алтайской духовной миссии. С 1883 — архимандрит и начальник Алтайской духовной миссии (до 1891). С 1894 — епископ Бийский, викарий Томской епархии. С 1891 — епископ Томский и Семипалатинский; с 1895 — епископ Томский и Барнаульский. С 1906 — архиепископ, с 1908 — архиепископ Томский и Алтайский. В 1912–1917 — митрополит Московский и Коломенский, постоянный член Св. Синода. Почетный член Казанской (1895) и С.-Петербургской (1913) духовных академий. В первые дни Февральской революции был смещен с кафедры и уволен из состава Св. Синода новой властью как «реакционер» и «распутинец». Увольнение не признал, считая его антиканоническим. На Поместном Соборе Православной Российской Церкви 1917–1918 дело Макария было рассмотрено, а он — реабилитирован. В 1920 Патриарх Тихон и Священный Синод вынесли определения о пожизненном бытии митрополиту Макарию митрополитом Алтайским. Управлял алтайской паствой из Николо-Угрешского монастыря (под Москвой). Канонизирован РПЦ (2000).

^{26*} По смыслу текста, видимо, следует читать «за покорность Распутину».

^{27*} *Владимир* (в миру Богоявленский Василий Никифорович; 1848–1918) — русский церковный деятель; один из первых новомучеников и исповедников российских. Окончил Киевскую духовную академию со степенью кандидата богословия. С 1882 — священник. После смерти жены и ребенка принял монашеский постриг (1886), архимандрит. С 1888 — епископ Старорусский, викарий Новгородской епархии. С 1891 — епископ Самарский. С 1892 — архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии. С 1898 — митрополит Московский и Коломенский, постоянный член Св. Синода. В 1912–1915 — митрополит С.-Петербургский (Петроградский), первенствующий член Св. Синода. Доктор богословия (1915). С 1915 — митрополит Киевский

и Галицкий. Активно выступал против влияния Григория Распутина на церковные дела, за что и был переведен из столицы в Киев. Почетный председатель Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918. Был убит бандитами около Киево-Печерской лавры с попустительством ее насельников. Канонизирован РПЦЗ (1981) и РПЦ (1992).

^{28*} *Питирим* (в миру Окнов Павел Васильевич; 1858–1920) — русский церковный деятель. Окончил Киевскую духовную академию со степенью кандидата богословия. В 1883 принял монашеский постриг. «Ученый монах». С 1890 — архимандрит; в 1891–1894 — ректор С.-Петербургской духовной семинарии. С 1894 — епископ Новгород-Северский, викарий Черниговской епархии. С 1896 — епископ Тульский, с 1904 — епископ и (с 1909) архиепископ Курский. В 1911–1913 — архиепископ Владикавказский, в 1913–1914 — архиепископ Самарский. В 1914–1915 — архиепископ Карглинский и Кахетинский, Экзарх Грузии, постоянный член Св. Синода. С 1915 по март 1917 — митрополит Петроградский и Ладужский. Был известен как один из наиболее одиозных сторонников сибирского «старца» Григория Распутина, который оказывал ему покровительство.

^{29*} *Алексий* (в миру Молчанов Алексей Васильевич; 1853–1914) — русский церковный деятель. Окончил Казанскую духовную академию, на первом курсе которой (1883) был рукоположен в дьякона, а в 1885 — во священника. Магистр богословия (1888). В 1897 овдовел и два года спустя принял монашеский постриг; архимандрит. Ректор Казанской духовной семинарии и епархиальный цензор (1899), ректор Казанской духовной академии (1900–1905). С 1900 — епископ Чистопольский, викарий Казанской епархии. В 1905–1910 — епископ Таврический и Симферопольский; в 1910–1912 — епископ Псковский и Порховский. Обнаружение в его епархии (в Воронцовском Благовещенском монастыре) секты иоаннитов повлекло за собой перемещение архиерея в Сибирь — епископом Тобольским и Сибирским. Будучи в Сибири, добился снятия с Григория Распутина обвинения в принадлежности к секте хлыстов и вскоре (в октябре 1913) был переведен на Кавказ — архиепископом Карталинским и Кахетинским, экзархом Грузии.

^{30*} Речь идет о стремлении епископа Варнавы (Накропина) в максимально короткие сроки провести канонизацию святителя Иоанна (Максимовича; 1651–1715), митрополита Тобольского, приурочив торжества к 200-летию со дня его кончины, которое приходилось на 10 июня 1915. С этой целью Варнава обратился в Св. Синод, куда также было направлено и ходатайство жителей Тобольска. 14 мая 1914 Николай II поручил синодальному обер-прокурору В. К. Саблеру рассмотреть обращение в Святейшем Синоде. 22 ноября 1914 епископ Варнава донес его членам о вскрытии склепа митрополита Иоанна, а 8 декабря сами синодалы разрешили открыть его лицо и части тела. 23 января 1915 иерархи выслушали рапорт Варнавы и рассмотрели предоставленный им акт осмотра останков святителя, определив продолжить запись чудес и их исследование.

Однако 3 апреля Св. Синод получил новый рапорт епископа, а 28 апреля он направил письмо Петроградскому митрополиту Владимиру (Богоявленскому), в котором повторил свое ходатайство о канонизации. В ответ обер-прокурор написал Варнаве о необходимости отложить прославление до окончания войны. Но это епископа не остановило. В августе 1915, в обход Св. Синода, он послал телеграмму Николаю II, испросив у него разрешения «немедля совершить не открытие, а пока хоть прославление, то есть пропеть величание святителю митрополиту Иоанну, о чем горько скорбит народ». За день до того, 26 августа, с такой же просьбой обратился к императору и Григорий Распутин. Последовало высочайшее согласие с указанием, что «пропеть величание можно, но не прославление». В тот же вечер епископ Варнава пропел величание святителю (хотя тропарь пели св. Иоанну Златоусту — небесному покровителю Иоанна Тобольского). 31 августа Варнава был вызван в Петроград, где встретил суровый прием. Особенно резко выступали против самочинных действий сибирского архиерея архиепископы Агафангел (Преображенский), Сергей (Страгородский) и епископ Никон (Рождественский). В сложившейся ситуации Варнава 9 сентября покинул столицу, вызвав возмущение практически всех членов Св. Синода. А 23 октября 1915 синодалы представили в Царское Село мотивиро-

ванный доклад о неправомерных действиях сибирского владыки. Ознакомившись с докладом, Николай II указал иерархам, «что действия епископа Варнавы, имея значение местного прославления, примеры коего дает русская церковная история, не нарушают предначертанного Синодом порядка всероссийского церковного прославления приснопамятного святителя Иоанна Максимовича». «Твердо верю,— заявлял он иерархам,— что Синод, в горячей ревности еп[ископа] Варнавы о скорейшем прославлении чтимого его паствою святителя, почерпнет оправдание его действиям в настоящей страдной для Родины године и ради мира церковного покроет их прощением и любовью» (Последний временщик последнего царя. (Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о Распутине и разложении самодержавия) // Вопросы истории.— 1965.— № 2.— С. 108).

В тех условиях такое пожелание невозможно было игнорировать. Николай II одобрил план ликвидации «дела» епископа Варнавы, суть которого заключалась в следующем: когда шум утихнет, командировать в Тобольск одного из членов Св. Синода для обследования, предшествующего открытию святых мощей. И действительно, спустя некоторое время в Сибирь был командирован архиепископ Тихон (Беллавин), будущий Патриарх Московский и всея России, иерарх, далекий от всяких политических интриг и групповых интересов, не водивший знакомства с Григорием Распутиным. А 9–10 июня 1916 уже митрополит Московский Макарий (Парвицкий-Невский) совершил торжественное прославление святителя Иоанна Максимовича.

^{31*} Действительно, после отречения императора Николая II Православная Церковь оказалась заложницей политических нестроений. Только 6 марта Св. Синод принял свое Определение за № 1207 «Об обнародовании в православных храмах актов 2 и 3 марта 1917 г. », в котором указал «объявит во всех православных храмах, в городских — в первый по получении текста сих актов день, а в сельских — в первый воскресный или праздничный день, после Божественной литургии, с совершением молебствия Господу Богу об утишении страстей, с возгласением многолетия Богохранимой Державе Российской и Благоверному Временному Правительству ея». Определение подписали все члены Св. Синода (за исключением митрополита Петроградского Питирима (Окнова)), включая митрополитов Владимира (Богоявленского), Макария (Парвицкого-Невского) и архиепископов Тихона (Беллавина) и Сергия (Страгородского) (см.: Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви / составитель, автор предисловия и комментариев М. А. Бабкин.— М., 2006.— С. 23). Никаких слов об отрекшемся императоре — бывшем Верховном Ктиторе Церкви Св. Синод не сказал, предложив возглашать многолетие временному политическому институту — Временному правительству.

Показательно, что в том же 1917 В. В. Розанов в «Апокалипсисе нашего времени», точно уловив психологию времени, связал разрушение «царства» с разрушением Церкви, походя заметив: «Попам лишь непонятно, что Церковь разбилась еще ужаснее, чем царство. Царь выше духовенства. Он не ломался и не лгал. <...> Но Церковь? Этот-то Андрей Уфимский? Да и все. Раньше их было “32 иерея” с желанием “свободной церкви” “на канонах поставленной”. Но теперь все 33333...2...2...2...2 иерея и под-иерея и сверх-иерея подскочили под социалиста <...> и стали вопиять, глаголать и сочинять, что “церковь Христова и всегда была, в сущности, социалистической” и что особенно она уж никогда не была монархической, и вот только Петр Великий “принудил нас лгать”» (Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени // Розанов В. В. Уединенное.— М., 1990.— С. 393).

^{32*} *Львов Владимир Николаевич* (1872–1934) — русский политический деятель, действительный статский советник. Депутат 3-й и 4-й Государственных Дум. Окончил Московский Университет (юридический и историко-филологический факультеты), был вольнослушателем Московской духовной академии. В Государственной Думе считался специалистом по церковным вопросам, состоял председателем комиссии по делам Православной Церкви. После Февральской революции 1917 — обер-прокурор Св. Синода. Содействовал созыву Поместного Собора 1917–1918. Участник «корниловского мятежа». С 1920 — в эмиграции. Примкнул к сменовеховству, признал Советскую власть и в 1922 вернулся в Россию. Активный участник

обновленческого раскола, входил в группу «Живая Церковь», состоял членом обновленческого ВЦУ. В 1927 был арестован, выслан на три года в Томск, где и скончался. Сын Львова остался в эмиграции и в дальнейшем стал архиереем РПЦЗ под именем Нафанаил.

^{33*} Трудно понять, о каком протоиерее идет речь, ибо в состав Св. Синода зимней сессии 1916–1917, помимо протопресвитера Г. И. Шавельского, входил лишь один «белый» клирик — протопресвитер придворного духовенства Александр Александрович Дернов (1857–1923), выпускник С.-Петербургской духовной академии со степенью кандидата богословия (1882). С 1882 о. Александр — клирик столичной епархии. С 1884 по 1899 он преподавал Закон Божий детям великого князя Владимира Александровича (Кириллу, Борису, Андрею и Елене). В феврале 1915 назначается заведующим придворным духовенством и возводится в сан протопресвитера, а с осени 1915 становится и присутствующим членом Св. Синода. В новый «революционный» состав Св. Синода он не вошел, скончавшись в Петрограде через шесть лет после революции.

В состав Св. Синода с 14 апреля 1917 были назначены — архиепископы: Карталинский и Кахетинский *Платон (Рождественский)*, Финляндский и Выборгский *Сергий (Страгородский)*, Ярославский и Ростовский *Агафангел (Преображенский)*, епископы: Самарский и Ставропольский *Михаил (Богданов)*, Уфимский и Мензелинский *Андрей (Ухтомский)*, протопресвитер Успенского собора Московского Кремля *Николай Александрович Любимов* (1858–1924) и протоиереи: профессор Петроградской духовной академии *Александр Петрович Рождественский* (1865–1930), члены Государственной Думы — *Александр Васильевич Смирнов* (1857–?) , профессор Петроградского университета, и *Федор Дмитриевич Филоненко* (1869 — после 1930). Первое заседание нового состава Св. Синода открылось 25 апреля 1917 и в его работе архиепископ Литовский Тихон (Беллавин), равно и протопресвитеры Г. И. Шавельский и А. А. Дернов, упомянутые в тексте, уже не участвовали. Если текст составлял сам епископ Андрей (Ухтомский), то тогда следует признать, что он — как член «революционного» Св. Синода — пишет не о своих коллегах — протоиереях, введенных вместе с ним в Св. Синод, а о ком-то из присутствовавших в заседаниях высшего церковного правительства зимой 1916–1917. Исключая о. Г. И. Шавельского, якобы поддержавшего Сергия (Страгородского), этим «кем-то» мог быть лишь протопресвитер А. А. Дернов. Но о. Александр был человеком консервативных взглядов и не мог поддерживать решения В. Н. Львова, хотя бы в силу того, что после падения самодержавия новый обер-прокурор не желал видеть среди синодалов протопресвитера *придворного духовенства*.

Если же автор комментируемого текста имеет в виду одного из трех столичных протоиереев, вошедших в апреле 1917 в состав Св. Синода, то вероятнее всего предположить, что речь идет о протоиерее Ф. Д. Филоненко — одном из организаторов «Союза демократического духовенства и мирян», принадлежавшем к либеральному крылу столичного духовенства (хотя как член Государственной Думы он входил во фракцию националистов). Однако, во-первых, «либеральным» в то время считался и сам епископ Андрей (Ухтомский), во-вторых, речь в тексте шла о периоде *до созыва* «революционного» состава Св. Синода.

^{34*} *Шавельский Георгий Иванович* (1871–1951) — русский церковный деятель, мемуарист. После окончания Витебской духовной семинарии был рукоположен во священника (1895). Служил в С.-Петербурге настоятелем Суворовской церкви. Окончил С.-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия (1902). Во время Русско-японской войны служил полковым священником, дивизионным благочинным и под конец главным священником Манчжурской армии. В 1906–1910 — законоучитель в Смольном институте благородных девиц. Магистр богословия (1910); экстраординарный профессор Историико-филологического института в С.-Петербурге. В 1911–1917 — протопресвитер русской армии и флота. С октября 1915 по апрель 1917 — член Св. Синода. Член Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918; член Высшего Церковного Совета. В 1919 — один из организаторов Временного Высшего Церковного Управления на Юго-Востоке России. В 1920 эмигрировал в Болгарию, где был профессором богословского факультета Софийского университета.

^{35*} С начала 1922 большевистская партия приступила к подготовке кампании по изъятию церковных ценностей, воспользовавшись как поводом разразившимся в 1921 голодом. Хотя Патриарх Тихон еще в августе 1921 предложил советским властям широкую программу помощи голодающим (в том числе и создание Центрального комитета в составе духовенства и мирян), большевистские лидеры в конце концов предпочли сосредоточить собранные Церковью для этой помощи ценности в своих руках. Главный организатор антицерковной политики советской власти того времени — Л. Д. Троцкий — диктовал ВЦИКу необходимость принятия специального декрета о конфискации церковного золота. 16 февраля такой декрет был принят, а 23 февраля — опубликован. Государству должны были выдаваться все драгоценные предметы, включая богослужебные. Замена их на равнозначные золотые и серебряные слитки и предметы, не имевшие богослужебного назначения, не допускалась. Так был сознательно спровоцирован конфликт между Церковью и государством. Патриарх, 25 февраля в письме к председателю ВЦИК М. И. Калинину призвав власть отказаться от принятого решения, вынужден был уже 28 февраля обнародовать свое послание, в котором осудил предполагавшееся изъятие как «акт святотатства». Ответом на насилия власти стали события в городе Шуя (15 марта 1922), где в сопротивлении изъятию церковных ценностей из кафедрального собора приняли участие около 3 тысяч человек. События в Шуре стали поводом для написания В. И. Лениным «строго секретного» письма от 19 марта, в котором лидер большевиков настаивал на том, что «именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (а поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь подавлением какого угодно сопротивления. <...> Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше» (см.: Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. 1922–1925: В 2 кн. / составители Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. — М.; Новосибирск, 1997. — Кн. 1. — С. 140, 144).

Уже тогда Политбюро ЦК РКП (б) планировало арест Патриарха Тихона и Священного Синода, проведение карательных акций против сопротивляющихся изъятию церковных ценностей на местах. Решения Политбюро приводело в жизни ГПУ, VI отделение секретного отдела которого специально занималось церковными вопросами. Однако успеха в деле изъятия церковных ценностей власти не достигли, получив драгоценностей на сумму немногим более 4,5 млн золотых рублей, в основном потраченных на проведение самой кампании. При этом сопротивление изъятию дало повод для проведения судебных процессов над духовенством, в том числе — над группой московского духовенства и мирян, процесс над которыми открылся 26 апреля 1922. А 5 мая, несмотря на отрицательные рекомендации ГПУ, для дачи свидетельских показаний на процесс был вызван Патриарх Тихон. Хотя он вынужден был отмежеваться от действий русских зарубежных деятелей, на Карловацком Соборе принявших явно антисоветские политические решения (о восстановлении в России династии Романовых и т. п.), осуждать антиправительственные действия духовенства он не стал. Этим была предрешена участь Патриарха, на следующий день заключенного под домашний арест.

^{36*} *Патриарх Тихон (Беллавин)* находился под арестом с 19 мая 1922, после того, как властями было инициирован и поддержан «обновленческий» раскол (см. коммент. 37). Первоначально он содержался под охраной в одной из квартир Донского монастыря. Ему запрещалось совершать богослужения и встречи. Прогулка допускалась один раз в день — на огороженной площадке над северными воротами монастыря. «Дело» Патриарха было передано ГПУ; вместе с его «делом» в производстве находились и «дела» всех членов Св. Синода. С августа 1922 до весны 1923 велись регулярные допросы Патриарха. Его предполагали обвинить в призыве к антиправительственным выступлениям, все его действия трактовались как контрреволюционные, направленные на свержение Советской власти. В апреле 1923 шли последние приготовления к процессу, на котором планировалось вынести Патриарху смертный приговор. 19 апреля его

ознакомили с обвинительным заключением и взяли под стражу, поместив во Внутреннюю тюрьму ГПУ на Лубянке.

Однако процесс не состоялся — международное давление на Советский Союз и резкая критика его антицерковных действий внутри страны заставили большевистских лидеров изменить тактику и, «лишив» Патриарха сана (руками обновленцев), добиваться от него покаяния. Тем самым власти стремились дискредитировать Святейшего Тихона в глазах верующих, поставив под сомнение его стойкость. Патриарх написал «покаянное» письмо, в котором «решительно осуждал» всякое посягательство на Советскую власть, откуда бы оно ни исходило. «Пусть все заграничные и внутренние монархисты и белогвардейцы поймут,— писал Святейший,— что Я Советской власти не враг. Я понял всю неправду и клевету, которой подвергается Советская власть со стороны ее соотечественных и иностранных врагов и которую они устно и письменно распространяют по всему свету» (Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. Сборник в двух частях / составитель М. Е. Губонин.— М., 1994.— С. 285).

После этого, 27 июня 1923 он был освобожден (хотя следствие в отношении его продолжалось). Следственное дело по обвинению Патриарха Тихона прекратили постановлением Политбюро ЦК РКП (б) от 13 марта 1924, затем оформив его от имени Президиума ВЦИК от 21 марта 1924.

^{37*} *Живая Церковь* — наименование обновленческого движения, у истоков которого (в мае 1922) стояли петроградские клирики: А. Введенский, Е. Белков, В. Красницкий и псаломщик С. Стадник, а также московский клирик С. Калиновский (вскоре сложивший сан и ставший антирелигиозным лектором), который, собственно, и придумал этот термин. 12 марта 1922, имея поддержку ГПУ, они посетили находившегося под арестом Патриарха Тихона. 18 мая, вновь посетив Патриарха, А. Введенский, Е. Белков и С. Калиновский добились от него согласия на передачу через них канцелярии старейшему иерарху Православной Российской Церкви — митрополиту Агафангелу (Преображенскому). После этого «живоцерковники» объявили о создании в их лице нового Высшего Церковного Управления (ВЦУ), возглавил которое епископ Антонин (Грановский). В мае была принята и программа церковных реформ, намеченная Живою Церковью, предполагавшая догматические, этические, канонические и приходские изменения. Тогда же обновленцы заявили о созыве в Москве (в апреле 1923) Поместного Собора.

В августе 1922 в Москве состоялся первый съезд Живой Церкви, постановивший «немедленно распустить приходские советы, стоящие против обновленческого движения, и собрать против них новые из лиц, рекомендуемых настоятелем под его ответственностью». Полноправными мирянами могли быть только те из них, кто проводил в жизнь принципы Живой Церкви.

Чем дальше, тем больше деятельность Живой Церкви становилась церковно-революционной, активистами движения ставился вопрос об устранении от руководства Церковью епископов-монахов, ликвидации монастырей, реорганизации церковного управления, введении брачного епископата. Но единства среди лидеров живоцерковников, за которыми стояло ГПУ, не было: уже на августовском съезде Живой Церкви раскололась на несколько обновленческих групп: возник «Союз общин древле-апостольской церкви», к которому осенью 1922 примкнул А. Введенский, а также «Союз церковного возрождения» во главе с епископом Антонином (Грановским), не желавшим отказываться от монашеских аскетических принципов. В организации Живой Церкви главную роль играл В. Красницкий. Обновленческий «Поместный Собор» 1923 стал, таким образом, собранием не единой обновленческой организации, а нескольких групп.

Этот «Собор» отменил так называемую анафему против Советской власти, признал Патриарха Тихона «лишенным сана, монашества и возвращенным в первобытное мирянское положение», одобрил деятельность обновленческих организаций, введение женатого еписко-

пата и дозволение второго брака клирикам, призвал к поддержке Советской власти, которая «одна во всем мире государственными методами имеет осуществить идеалы Царства Божия», отменил патриаршество, одобрил начало отделения Церкви от государства. «Собор» постановил закрыть монастыри, но разрешить трудовые братства. С 12 июля предусматривалось перейти с юлианского на григорианский календарь. Это было время максимального влияния обновленцев в религиозной жизни страны. После освобождения из внутренней тюрьмы ГПУ Патриарха Тихона (где он содержался с 19 апреля по 27 июня 1923) развернулась активная борьба с обновленчеством, и многие приходы стали переходить обратно под патриаршее управление. Монополия Живой Церкви оказалась разрушенной. В резко изменившихся условиях, живоцерковники вынуждены были в августе 1923 провести второй съезд Живой Церкви, на котором было изменено само название движения: теперь обновленческая организация именовалась Православной Российской Церковью. Созданный «Поместным Собором» Высший Церковный Совет заменен Священным Синодом, а официальный орган обновленчества «Живая Церковь» переименован в «Вестник Св. Синода Православной Российской Церкви». Съезд отказался от коалиционного начала, потребовав у обновленческих групп признать общую программу. Епископ Антонин (Грановский) отказался на это пойти, вместе со своей группой окончательно отделившись от обновленческого Св. Синода; также поступил и В. Красницкий, сохранив за своей организацией наименование Живой Церкви.

^{38*} *Антонин* (в миру Грановский Александр Андреевич; 1865–1927) — русский церковный деятель; обновленческий «митрополит Московский». Окончил Киевскую духовную академию со степенью кандидата богословия. Обучаясь в академии, принял монашеский постриг (1890). «Ученый монах», выдающийся знаток древних языков, магистр богословия. Преподавал и был церковным администратором в духовных школах Московской, Киевской, Тульской, Холмской епархий. К 1898 Антонин — архимандрит и ректор Благовещенской духовной семинарии. С 1899 — цензор С.-Петербургского Духовного цензурного комитета. Магистр богословия (1902). Хиротонисан во епископа Нарвского (1903), викария столичной епархии. Принимал участие в С.-Петербургских Религиозно-философских собраниях 1901–1903. Отличался экстравагантным поведением и неуживчивым характером. После 17 октября 1905 стал пропускать в титуле императора слово «самодержавнейший». Опубликовал в газете «Новое время» статью о сочетании законодательной, исполнительной и судебной властях как о земном подобии Божественной Троицы. В 1908 за подобные действия Антонин был уволен на покой. Проживал в Троице-Сергиевой пустыни под С.-Петербургом. С 1913 по 1917 — епископ Владикавказский и Моздокский (уволен на покой по болезни незадолго до Февральской революции). Без назначения на кафедру проживал в Московском Богоявленском монастыре, где стал вводить литургические новшества. В 1921 за это был запрещен в священнослужении Патриархом Тихоном. В 1922 принял участие в обновленческом движении. Первый архиерей обновленцев, председатель их Высшего Церковного Управления (ВЦУ). Был возведен в сан «митрополита Московского». Основал самостоятельную группу под названием «Союз церковного обновления». Председательствовал в первом заседании обновленческого «Поместного Собора» 1923. Вскоре рассорился с лидерами обновленчества, был уволен с поста председателя ВЦУ и в том же 1923 сложил с себя титул митрополита, до конца жизни возглавляя собственную группу — «Союз церковного возрождения» и продолжая занимать непримиримую позицию по отношению к Патриарху Тихону.

^{39*} *Леонид* (в миру Скобеев Евгений Дмитриевич; 1851–1932) — русский церковный деятель, обновленческий «митрополит». Окончил медицинский факультет Варшавского университета, Военную артиллерийскую академию, юридический факультет и Духовную академию со степенью кандидата богословия. «Ученый монах», к 1917 — ректор Литовской духовной семинарии, архимандрит и магистр богословия. В 1920 был хиротонисан Патриархом Тихоном во епископа Ковровского, викария Владимирской епархии. В 1921–1922 — епископ Алма-Атинский и Казахстанский (епископ Верненский). В мае 1922 встал на сторону

«обновленческого» раскола, назначен управляющим Московской епархией. Вскоре возведен в сан архиепископа с титулом Крутицкого. В том же 1922 — обновленческий «архиепископ» Пензенский и Сызранский»; затем — «архиепископ» Орловский. В марте 1923 уволен на покой. В 1928 возведен в сан «митрополита», в 1931 — назначен почетным членом обновленческого Священного Синода. Принимал участие в так называемом Втором (обновленческом) Всероссийском «Поместном Соборе» 1923, подписав постановление о лишении Патриарха Тихона сана и монашества.

^{40*} *Катаскопы* (греч. катаσκοπος) — шпионы. В своих текстах архиепископ Андрей (Ухтомский) часто использовал это слово, вкладывая в него совершенно определенный «анти-сергиевский» смысл. Так, в одном из писем начала 1930-х гг. он писал: «Когда был изгнан со своей кафедр — еретическим императором — святитель Афанасий Александрийский, то, разумеется, нашлись архиереи, которые с полной готовностью исполнили все незаконные веления царя.— Этих архиереев св. Афанасий называл не епископами, а катаскопами (т. е. царскими шпионами), лишенными всяких благодатных даров. Таковы и наши современные катаскопы, разрушители Божиих храмов и вообще церковной жизни. Таков митрополит Сергей» (цит. по: Зеленогорский М. Л. Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (князя Ухтомского).— М., 1991.— С. 217).

^{41*} Действительно, в июльском номере журнале «Живая Церковь» (№ 4–5. 1922) было опубликовано Воззвание, подписанное митрополитом Сергием (Страгородским), а также архиепископами Евдокимом (Мещерским) и Серафимом (Мещеряковым). В нем заявлялось: «Мы, Сергей, митрополит Владимирский и Шуйский, Евдоким, архиепископ Нижегородский и Арзамасский и Серафим, архиепископ Костромской и Галичский, рассмотрев платформу Временного Церковного Управления и каноническую законность Управления, заявляем, что целиком разделяем мероприятия Временного Церковного Управления, считаем его единственной, канонически законной верховной церковной властью и все распоряжения, исходящие от него, считаем вполне законными и обязательными. Мы призываем последовать нашему примеру всех истинных пастырей и верующих сынов Церкви, как вверенных нам, так и других епархий» (цит. по: Кузнецов А. И. Обновленческий раскол в Русской Церкви // «Обновленческий» раскол. (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики) / составитель И. В. Соловьев.— М., 2002.— С. 256–257).

В «обновленческом» расколе митрополит Сергей (Страгородский) пребывал почти 14 месяцев — с 16 июня 1922 по 28 августа 1923, однако, несмотря на утверждение автора комментируемого текста о том, что «как признавший ВЦУ, Сергей признавал и все его распоряжения», этого утверждать нельзя: в работе обновленческих «Поместных Соборов» митрополит не участвовал, в обновленческой печати с апологией обновленчества не выступал, женатых клириков в архиерейский сан не рукополагал. Вскоре после выхода Патриарха Тихона из заключения Сергей принес ему покаяние в соборном храме Донского монастыря. В 1924 принес покаяние Патриарху Тихону и архиепископ Серафим (Мещеряков; 1860 (1861–?) — 1937).

^{42*} *Евдоким* (в миру Мещерский Василий Иванович; 1869–1935) — русский церковный деятель, обновленческий «митрополит». Окончил Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия. В 1894 принял монашеский постриг и был рукоположен во иеромонахи. «Ученый монах», магистр богословия и архимандрит (1898). С 1902 — штатный ординарный профессор Московской духовной академии, в 1903 — ректор МДА. Доктор богословия. В 1903 хиротонисан во епископа Волоколамского, викария Московской епархии. С 1909 — епископ Каширский, викарий Тульской епархии. В 1914–1917 — архиепископ Алейский и Северо-Американский. Участник Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918. С 1918 — архиепископ Нижегородский. В 1922 примкнул к обновленческому расколу; обновленческий «митрополит» Одесский, затем Вятский (до сентября 1924). Принимал участие во Втором обновленческом «Поместном Соборе» 1923, после смещения епископа Антонина (Грановского) был избран председателем обновленческого Высшего Церковного Совета. В августе 1923 ВЦС был переименован в Священный Синод, в котором

председательствовал Евдоким. В 1923–1924 Евдоким также преподавал, будучи профессором обновленческой Московской Богословской академии. С августа 1924 уже не принимал активного участия в руководстве обновленческих церковных структур, хотя до 1934 он продолжал числиться постоянным членом обновленческого Синода. Умер вне общения с Православной Церковью.

^{43*} Кто такой инженер Тяжеловесов, узнать не удалось, однако в 1922 митрополит Сергей (Страгородский) в Бутырской тюрьме не сидел. Он был арестован раньше — в январе 1921, и вышел на свободу через несколько месяцев — на Пасху. Согласно одной из версий, за Сергия поручился лишенный к тому времени сана бывший архиепископ Владимир (Путята; 1869–1936/1941?). Митрополит якобы уверял Путяту, что с его помощью тот будет восстановлен в священном сане. После заседания Священного Синода, на котором Путяте было отказано, митрополит Сергей был выслан в Нижний Новгород.

^{44*} Ошибка: Патриарх Тихон (Беллавин) был освобожден не весной, а летом (27 июня) 1923. См. подр.: коммент. 36.

^{45*} *Григорий* (в миру Яцковский Гавриил Иулианович; 1866–1932) — русский церковный деятель, первый руководитель так называемого григорианского раскола в Православной Российской Церкви. В 1890 принял монашеский постриг, окончил Киевскую духовную академию со степенью кандидата богословия; иеромонах (1894). «Ученый монах», был инспектором Иркутской духовной семинарии, ректором Томской и Рязанской духовных семинарий. С 1908 — епископ Козловский, викарий Тамбовской епархии. С 1912 — епископ Бакинский, викарий Грузинской епархии, с ноября 1917 — епископ Елизаветпольский, викарий Тифлисской епархии. Член Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918. Будучи членом Собора, в конце 1917 получил назначение на кафедру епископа Екатеринбургского и Ирбитского. В 1922 был возведен в сан архиепископа. В том же году был арестован, осужден на пять лет строгой изоляции. В июле 1925 досрочно освобожден (срок признан условным). Использовался органами ОГПУ с целью устранения Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра (Полянского): Григорию и еще нескольким архиереям предложили оказать содействие в легализации высшего церковного управления. В обмен на обращение к пастве о сочувственном отношении Церкви к политике советского руководства им обещали легализовать церковное управление на уровне епархий и православных общин. После ареста митрополита Петра (Полянского), 22 декабря 1925 в Москве под председательством Григория состоялось совещание 10 архиереев, постановивших образовать Временный Высший Церковный (ВВЦС). Митрополит Сергей (Страгородский), узнав об этом и не найдя канонических оснований для образования ВВЦС, в качестве Заместителя Местоблюстителя Патриаршего Престола наложил на Григория и его единомышленников запрещение в священнослужении и отстранил от управления епархиями. Однако григорианский раскол это не остановило. В ноябре 1927 Григорий был возведен в «митрополиты Свердловские и Уральские», но уже в 1928 по состоянию здоровья покинул пост председателя ВВЦС, оставшись только епархиальным архиереем.

^{46*} *Димитрий* (в миру Любимов Дмитрий Гаврилович; 1857–1935) — русский церковный деятель, активный противник церковной линии митрополита Сергия (Страгородского), «иосифлянин». Окончил С.-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия; преподавал. Священник (с 1886), протоиерей (1903) С.-Петербургской (Петроградской) епархии. После 1922 — идейный борец против «обновленческого» раскола; арестовывался. В конце 1925 принял монашеский постриг; архимандрит. С 1926 — епископ Гдовский, викарий Ленинградской епархии. Негативно отнесся к «Декларации» митрополита Сергия (Страгородского) 1927. В конце 1927 Временный Священный Синод при митрополите Сергии (Страгородском) запретил Димитрию в священнослужении, а вскоре постановил уволить его от управления викариатством на покой с оставлением под запрещением в священнослужении и преданием архиерейскому суду. Однако это не остановило Димитрия, который стал фактическим руководителем «иосифлянского» движения в Ленинградской епархии, признав акт митрополита

Иосифа (Петровых) об отделении от Заместителя Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Сергия (Страгородского) от 6 февраля 1928. Митрополит Иосиф возвел Димитрия в сан архиепископа. В ноябре 1929 был арестован и приговорен к расстрелу, замененному на десять лет лагерей. Отбывал срок на Соловках, затем был перемещен в Москву по новому делу «Всесоюзной контрреволюционной монархической организации церковников “Истинно-Православная Церковь”». В 1931 был снова приговорен к десяти годам лишения свободы. Срок отбывал в Ярославской тюрьме, где и скончался. Канонизирован РПЦЗ (1981).

^{47*} *Серафим* (в миру Самойлович Семен Николаевич; 1881–1937) — русский церковный деятель. Окончил Полтавскую духовную семинарию (1902); через три года принял монашеский постриг; иеромонах (1906). Служил в Алеутско-Аляскинской епархии. Весной 1910 был поставлен наместником Могилево-Братского монастыря, через полгода — наместником Ярославского Толгского монастыря. Игумен (1912). В 1915 Серафима назначили настоятелем Угличного Алексеевского монастыря и возвели в сан архимандрита. В 1920 он был хиротонисан во епископа Угличского, викария Ярославской епархии, но уже через два года был арестован. С 1924 — архиепископ. По завещательному распоряжению митрополита Иосифа (Петровых) от 8 декабря 1926 назначен третьим кандидатом на должность временно исполняющего обязанности Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. С декабря 1926 по март 1927 — Заместитель Патриаршего Местоблюстителя. В начале 1928 в составе группы архиереев Ярославской епархии подписал декларацию об отделении от митрополита Сергия (Страгородского), затем был арестован и сослан. В июне 1928 вернулся в общение с митрополитом Сергием (Страгородским). С 1929 — в заключении; расстрелян. Канонизирован РПЦ (2000).